

НОВЫЕ ИДЕИ В СОЦИОЛОГИИ ПРАВА. Курс лекций. В 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ПРОСПЕКТ, 2015.

Коллективом ученых – юристов, социологов, философов подготовлен курс лекций по социологии права под редакцией проф. М.Н. Марченко, в котором рассматривается широкий круг вопросов, касающихся понятия, предмета, методологии, места и роли социологии права в системе других юридических и неюридических наук. Особое внимание уделено анализу социологического аспекта правопонимания, правотворчества и реализации права в контексте нравственных, психологических и религиозных установок, которые сформировались в современном российском обществе, в том числе под влиянием глобализации. Содержание книги однозначно свидетельствует о том, что это не просто курс лекций, а по ряду проблем – крупное научное исследование, поднимающее социологию права на новую ступень. Объем рецензии не позволяет охватить все теоретические положения курса. Поэтому остановимся только на некоторых из них.

Следуя уже сложившейся традиции, авторы предлагают читателю включиться в спор о том, является ли социология права частью общей социологии, самостоятельной наукой или же выступает одной из составных частей теории государства и права?

Профессор В.Н. Жуков справедливо обращает внимание на то, что социология права сложилась на соединении философии, социологии и юриспруденции (т. I, с. 50). Доминирует в этой триаде социология, которая дала социологии права идеи (системный подход, структурно-функциональный анализ, опору на эмпирический материал) и общее направление развития. От философии социология права взяла мировоззренческие и методологические ориентиры. Юристы становились социологами права, когда привносили социологический подход в изучение права и государства. Но, возникнув как междисциплинарная отрасль знания, социология права, по мнению В.Н. Жукова, “так и не смогла приобрести теоретического и методологического единства” (т. I, с. 52). Междисциплинарная природа социологии права сказалась на всей ее последующей истории: юристы развивали по преимуществу ее теоретическую разновидность, а социологи – прикладную. К этим рассуждениям В.Н. Жукова добавим от себя, что до сих пор не произошло удовлетворительного размежевания предметов социологии права и теории государства и права. Например, вопросы правотворчества и реализации права, являющиеся традиционным объектом исследования в теории государства и права, не могут быть раскрыты без использования социологических методов. Вероятно, учитывая именно эти моменты, еще в начале прошлого века известный русский правовед Б.А. Кистяковский утверждал, что теория права возможна лишь как социологическая дисциплина¹.

В книге проводится идея, что социологический взгляд на государство и право коренным образом изменил представления о них. Юристы почти повсеместно восприняли идею, что вне общественного контекста существование го-

сударства и права не только бессмысленно, но и с научной точки зрения не поддается объяснению. Обусловленность государства обществом, подчеркивает М.Н. Марченко, не всегда замечается исследователями. Поэтому проблемы, явления и события, уходящие своими корнями в общество, нередко представляются как возникающие исключительно на уровне и в рамках государства. Тем самым допускается искусственный разрыв между обществом и государством, в результате которого происходит неправомерная подмена проблем, изначально возникающих и коренящихся в обществе, проблемами государства, и наоборот. Этот весьма значимый в научном и практическом отношении тезис М.Н. Марченко иллюстрирует примером из жизни нашей страны в 90-е годы прошлого века. Проводившиеся тогда преобразования «представлялись в виде борьбы неких “демократических” сил против существующего государственного режима, за права и свободы всех граждан, за демократию “всех и для всех”, а по сути, преследовались корыстные экономические, финансовые и иные интересы одной, весьма незначительной части общества за счет интересов другой, основной части общества» (т. I, с. 145). Прозрение наступило лишь потом, когда уже было невозможно противостоять либеральным реформам. Таким образом, социология права показывает, сколь важен социальный контекст в движении права и государства. Проникновение социологии в государственно-правовую материю, как показано в книге, стало своего рода “живой водой” для государства и права, прочно связало их с социальными интересами и духовными ценностями.

В курсе лекций уделено особое внимание трактовке общества, государства и права именно как социологических категорий. М.Н. Марченко обоснованно отмечает, что до сих пор нет единого понимания общества. Автор предлагает рассматривать общество как явление одновременно и природы, и культуры (т. I, с. 116 и сл.). В связи с этим подвергаются аргументированной критике взгляды социал-дарвинистов, которые отождествляют общество с природой и распространяют на него все законы природы, включая законы борьбы за существование. Справедливо указано, что ссылкой на “природу” делается попытка оправдать привилегии в прошлом так называемой аристократии, «а ныне политической и экономической “элиты”, напрямую ассоциирующейся в сознании народных масс постсоветской России с беспрецедентным по своим масштабам измождением, перманентным казнокрадством, цинизмом по отношению к обществу и государству и изощренным шулерством» (т. I, с. 117, 118). Вместе с тем в курсе лекций отвергается и идея о том, что общество сводится лишь к сфере культуры и вовсе отрывается от природы. Общество стали представлять в виде некоего договорного или иного искусственно созданного института, в котором люди когда-то о чем-то якобы договорились, и этот договор, хотя он и “людской”, тем не менее, по каким-то неизвестным причинам не может быть пересмотрен. В любом обществе, отмечает М.Н. Марченко, действуют наряду с

¹ См. об этом подробно: Жоль К.К. Социология. М., 2004. С. 268.

экономическими и другими факторами также и природные факторы: биологические, психические, антропологические.

Небезынтересной является постановка проблемы о том, являются ли государство и право, подобно обществу, природными явлениями или явлениями культуры. Как известно, в марксистско-ленинской идеологии, около 70 лет господствовавшей в нашей стране, не принято было говорить о природной основе государства и права. Например, лишь в последние годы своей жизни С.С. Алексеев вслед за И. Кантом стал рассматривать право как результат сознательно действующей природы, которая сама диктует человеку, каким должно быть право². В курсе лекций подмечено, что при решении этого вопроса часто смешиваются два явления: естественная (природная) необходимость в образовании государства и права и процесс их формирования, развития (т. 1, с. 155, 172). Природная необходимость в образовании и развитии государства и права порождается “природными причинами”, в том числе необходимостью совместной деятельности, защиты от врагов, поддержания порядка. Но создаются государство и право только людьми. Поэтому в них всегда содержатся и социальный, и природный элементы, хотя в разные эпохи – в различных пропорциях. Это означает, что, формируя право, законодатель, во избежание его низкой эффективности или же полной несостоятельности не может не учитывать помимо экономических, политических, идеологических и иных проблем, на разрешение которых направлено право, также географические факторы (Заполярье, Крайний Север и т.д.), условия окружающей среды, психологические, возрастные (пенсия, несовершеннолетний и др.) и иные природные особенности людей, которым адресуется тот или иной издаваемый правовой акт (т. 1, с. 173). Предварительная экспертиза проектов нормативных актов на эффективность их применения должна охватывать и “природные” моменты.

В курсе лекций проводится мысль о том, что ответить на главный вопрос, что есть государство и в чем его суть, каковы его содержание и назначение, чему, а точнее – кому оно служит, а кому – прислуживает, можно лишь комплексно и системно с учетом всех аспектов его образования, становления, функционирования. С этих позиций современная модель правового государства в России оценивается «как модель “правового”, псевдодемократического государства с точки зрения интересов подавляющего большинства полунищих российских граждан, проживающих в одной из богатейших по своим природным и иным условиям стран мира», которая к тому же “страдает явной ущербностью и отчужденностью” (т. 1, с. 160).

Нашего современника не могут не интересовать проблемы “гражданского общества”, идея создания которого стала почти политическим лозунгом демократии. В книге подробно описываются признаки гражданского общества (высокий уровень материальной обеспеченности всех без исключения членов общества, высокий уровень их общей и правовой культуры и правосознания, высокая степень самоорганизации и самоуправления общества, его относительная самостоятельность по отношению к государству и к различным межгосударственным и надгосударственным институтам, демократические принципы функционирования и т.д.). Странное ощущение остается после такого описания гражданского общества. Как будто мы встречаемся с рассказом о так и не состоявшемся коммунистическом обществе в программных

документах некогда правящей в СССР политической партии. Звучит все, несомненно, красиво, привлекательно, но уж очень напоминает неувядающие строки классика отечественной литературы: “Жаль только – жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе”. Представляется, что теоретические положения о гражданском обществе имеют принципиальное значение для отечественной общественной науки и для практики выстраивания взаимоотношений между государством и личностью. Именно гражданское общество должно формировать современное государство, а не наоборот. Роль последнего заключается лишь в создании условий для развития гражданского общества (т. 1, с. 228). Но юридическая наука не должна переусердствовать в показе преимуществ гражданского общества, обязана отказаться от всякого рода утопических его трактовок, связанных с массовыми ожиданиями, которые никогда не станут реальностью.

Институтом, посредством которого осуществляется взаимодействие общества и государства, как известно, являются политические партии. В.И. Буренко высказывает по этому вопросу ряд далеко не ортодоксальных тезисов. Он считает, что в условиях демократического политического режима срастание какой-либо партии с госаппаратом, как это было в СССР, невозможно. Для демократий противоестественно подчинение всего механизма государства интересам какой-либо одной партии. Индикатором того, что оппозиционные партии конституировались как элементы демократического режима, является процедура смены ими у власти правящих партий (т. 1, с. 256). Между тем, как далее пишет автор, “в ряде постсоветских стран за последние 20 лет сложился партийно-государственный механизм гэдэровского типа, сформировался неразрывный симбиоз государства и так называемых партий власти, представляющих чиновничество”. И это несмотря на то, что в этих странах существуют и другие партии и что в их конституциях закреплён принцип многопартийности. “В этой системе партийно-государственного симбиоза власть становится нелегитимной и не только потому, что фальсифицируются выборы. Власть нелегитимна потому, что с самого начала с помощью административного ресурса организуются выборы без выбора” (т. 1, с. 259).

Сразу несколько лекций посвящены проблематике правовой культуры и правосознания в связи с разными явлениями общественной жизни. Говоря о соотношении правовой идеологии и правовой психологии в правосознании, В.Н. Корнев справедливо замечает, что вопреки сложившимся представлениям, “в массовом общественном сознании на долю правовой идеологии приходится не так уж много места. Большинство населения остаются неведомы теоретические представления о государстве и праве” (т. 2, с. 8). И безусловно, перспективным в аспекте дальнейшего научного исследования является тезис о том, что “именно в правовой психологии происходит подлинная легитимация существующей власти и правопорядка” (т. 2, с. 10). Можно только сожалеть, что в материалах о правосознании почти ничего нет о том, как государственная пропаганда, если она находится в руках “чужака”, может деформировать массовое правосознание, как, например, в современной Украине.

Безусловный интерес вызывают фрагменты книги, посвященные эффективности правовых норм. Поддерживается мнение тех ученых, которые обращают внимание на упрощенный характер определения эффективности нормы как соотношения цели и результата. Т.Р. Орехова придает особое значение оценке тех средств, которые используются для достижения цели (т. 2, с. 143). Подчеркивается, что эффективная правовая норма должна быть направлена на снижение

² См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 34–51.

уровня конфликтности в обществе и характеризоваться качеством справедливости.

Интересной и весьма поучительной является разработка в курсе лекций темы “Изменение и развитие как категории социологии права”. Отмечается, что любая материальная система существует и развивается по своему собственному времени (т. 2, с. 237). В связи с этим В.Н. Жуков подчеркивает, что социальное время по-разному протекает у разных народов. Констатация этого факта – важная методологическая установка для сравнительного правоведения и государствоведения. Получается, что у каждой культуры – свои собственные часы (т. 2, с. 239).

В работе затронуты проблемы, которые оставались обычно за пределами социологии права. В частности, сформулирована концепция мегасистемы (т. 1, с. 235–243). Государство, право и общество наряду с присущими им функциями выполняют и общие (интегрированные) функции, свойственные в целом мегасистеме. Функции мегасистемы не являются механическим сложением функций элементов мегасистемы. Выделяются функция самосохранения системы, функция ее воспроизводства, функция стабилизации мегасистемы, функция социализации личности.

В книге немало дискуссионных моментов, связанных либо с недостаточным освещением тех или иных проблем, либо с весьма спорной их трактовкой. Говорится, например, о ряде категорий, что они и социологические, и юридические категории. Но в чем различие между ними – это обходится молчанием. Неоднократно подчеркивается особое значение для социологии права категории справедливости, но она не увязывается с интересами, которые в конечном счете всегда и везде определяют ее содержание. К тому же довольно странным представляется положение о том, что справедливость “только в условиях капитализма” стала центральным понятием морального сознания (т. 2, с. 168). Но как же быть тогда, например, с высказываниями Сократа, который называл ее предметом “драгоценнее всякого золота”? В книге рассматривается вопрос о правовых аксиомах, однако они приравниваются к общим принципам права (т. 1, с. 323–326), что является чрезмерным упрощением этого понятия. В работе дано определение правового статуса, но нет понятия правового положения, которое может и должно быть в центре социологических исследований, ибо только оно дает адекватное представление о реальной роли конкретной личности в обществе. Крайне схематично представлен материал, связанный с методикой изучения правосознания. И странно, что в столь фундаментальном исследовании не представлена проблема влияния властвующей элиты, ее про-

пагандистской машины на правосознание населения. На примере братской Украины можно видеть, сколь податливо подчас население к усвоению пропагандистских, русофобских штампов в ущерб своим коренным интересам. Нельзя безоговорочно согласиться с тезисом, с которым солидаризируется В.В. Ершов (т. 1, с. 331), о примате международного права над внутригосударственным. Ныне в юридической науке формируется более осторожное отношение к этому вопросу: нормы международного права, прежде чем получить “прописку” в российском праве, должны пройти проверку с точки зрения их соответствия российской Конституции.

В ряде лекций правовой материал явно находится на периферии интересов авторов. Так, в лекции о правовой социализации (т. 2, с. 19–60) из 42 страниц текста самой проблеме посвящены лишь 10 страниц. То же самое можно сказать о лекциях “Логика и методология научного познания” и “Методология и методика прикладных исследований”. Можно только сожалеть, что проблемы глобализации излагаются в книге в отрыве от проблем устойчивого развития. В этом случае хорошо было бы получить более глубокие представления о сущности глобализации, о тех, кому она приносит наибольшую выгоду.

Явно недостаточно исследована проблема роли внешних, неправовых факторов, воздействующих на государство и право. К сожалению, даже не упоминаются вопросы, связанные с механизмом становления свободного, по терминологии Ф.М. Бурлацкого, государственного человека, который не стремится властвовать над другими, но и не позволяет попираť свое достоинство. Духовный вакуум, в котором пребывает наше общество, не позволяет ему решать задачи создания полноценной демократии, не формальной, зачастую сводящейся только к лозунгам, приводящим к заблуждениям, воспитывать человека, рассматривающего проблемы не через приоритет личных интересов перед общественными и государственными, а в их гармоническом сочетании.

В курс лекций не вошли некоторые темы, которые традиционно обсуждаются в рамках социологии права. Но этот факт, как и сделанные выше замечания, не снижают общего, весьма положительного впечатления о работе в целом. Главное, что она, будучи выполненной на уровне завоеваний современной юридической науки, дает адекватное представление о том, как следует понимать право и как его совершенствовать в соответствии с изменениями в обществе, как гарантировать контроль права над государственной властью и обеспечить соблюдение прав человека – не на бумаге, а в реальных жизненных ситуациях.

Анисим Иванович Экимов, доктор юрид. наук, проф.